CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Дубова М. А. Концепт МОРАЛЬ в объективации авторской модели мира (по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море») / М. А. Дубова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 272—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-272-289.

Dubova, M. A. (2025). Concept of MORALITY in Authorial Worldview: An Analysis of B. Pilnyak's Novel "The Volga Flows into the Caspian Sea". *Nauchnyi dialog, 14* (4): 272-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-272-289. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · Q1 · DOAJ · ERIHPLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Концепт МОРАЛЬ в объективации авторской модели мира (по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»)

Дубова Марина Анатольевна
orcid.org/0000-0001-6906-1002
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и литературы
dubovama@rambler.ru

Государственный социально-
гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

Concept of MORALITY in Authorial Worldview: An Analysis of B. Pilnyak's Novel "The Volga Flows into the Caspian Sea"

Marina A. Dubova
orcid.org/0000-0001-6906-1002
Doctor of Philology, Professor
of the Department of the Russian
and Literature
dubovama@rambler.ru

State University of Humanities
and Social Studies
(Kolomna, Russia)

© Дубова М. А., 2025

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале романа Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» изучается концепт МОРАЛЬ. Он рассматривается как миромоделирующая универсалия, раскрывающаяся применительно к образу автора, системе персонажей романа, мотивной парадигме. Актуальность статьи обусловлена обращением к проблеме лингвостилистического выражения миромоделирующих универсалий в художественном тексте. В статье используются методы филологического, семантического, лингвостилистического и концептуального анализа. В ходе проведенного исследования автор изучает полевое строение концепта МОРАЛЬ в тексте романа и приходит к выводам, раскрывающим связь концепта с лейтмотивами жизни и смерти, труда и др. Определяется особый статус любви в ряду морально-нравственных понятий романа и в системе жизненных ценностей автора. Характеризуются лексемы, объективирующие полюса бинарной семантической оппозиции «морально — аморально» и вытекающие из неё частные дихотомии. Выявляются и комментируются приемы аналогии, иносказания, совмещения пространственно-временных плоскостей, повторов, репрезентирующие авторский «голос» в тексте. Обосновывается преемственность морально-нравственных ценностей, объективирующих концепт МОРАЛЬ в авторской и национальной картине мира на примере раскрытия образной системы произведения, в первую очередь профессора Полетики и его дочери Любови.

Ключевые слова:
нравственные ценности; концептуализация морали; аксиология; миромоделирующая универсалия; Борис Пильняк; *Волга впадает в Каспийское море*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the concept of MORALITY as presented in B. Pilnyak's novel “The Volga Flows into the Caspian Sea.” It is explored as a world-modeling universality that unfolds in relation to the author's persona, the character system, and the motif paradigm within the narrative. The relevance of this study is underscored by its focus on the linguistic and stylistic expressions of world-modeling universals in literary texts. Employing methods of philological, semantic, linguistic-stylistic, and conceptual analysis, the author investigates the field structure of the concept of MORALITY within the text and arrives at conclusions that reveal its connections to the leitmotifs of life and death, labor, among others. A distinctive status of love is identified within the spectrum of moral concepts in the novel and in the author’s system of life values. The article characterizes lexemes that objectify the poles of the binary semantic opposition “moral — immoral” and related dichotomies. Techniques of analogy, allegory, spatial-temporal plane merging, and repetition are identified and commented upon as they represent the author's “voice” in the text. The continuity of moral values that objectify the concept of MORALITY in both the authorial and national worldview is substantiated through an exploration of the imagery system of the work, particularly focusing on Professor Poletika and his daughter Lyubov.

Key words:
moral values; conceptualization of morality; axiology; world-modeling universality; Boris Pilnyak; The Volga Flows into the Caspian Sea.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Пильняк.07+81’42::17.022.1
DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-272-289

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

Концепт МОРАЛЬ в объективации авторской модели мира (по роману Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»)

© Дубова М. А., 2025

1. Введение = Introduction

Миромоделирование «как комплекс приемов, категорий и формул, позволяющих автору сформировать особый мир конкретного … произведения …, является новейшей парадигмой анализа» [Дубова и др., 2022, с. 5] художественного текста. Исследования, предпринимаемые в рамках обозначенной парадигмы, призваны выявить ряд сигнификативных параметров, генерирующих бинарные оппозиции, которые структурируют модель мира в творчестве конкретного автора.

Применительно к Б. Пильняку проблема миромоделирования не получила системного научного изучения, да и вообще, как таковая не ставилась. И в этом смысле мир его художественных произведений еще предстоит исследовать ученым. Преимущественно наследие писателя изучалось «по нескольким направлениям: проблемы поэтики, мотивно-образная парадигма, Б. Пильняк и литературное сообщество, интертекстуальные связи» [Дубова, 2023, с. 207]. В этом ряду в последние десятилетия появился ряд исследований: Е. Р. Абдуразаковой [Абдуразакова, 2005], В. В. Агеносова [Агеносов, 2021], Л. Н. Анпиловой [Анпилова, 2019], Е. С. Бабкиной [Бабкина, 2007], А. Е. Денисова [Денисов, 2019], М. Е. Camisa [Camisa, 2021], В. П. Крючкова [Крючков, 2006], И. И. Профатило [Профатило, 2006], А. В. Святославского [2020], Е. В. Суровцевой [2018], В. Н. Яранцева [Яранцев, 2015], И. О. Шайтанова [Шайтанов, 1990] и др., — расширяющих и углубляющих представления научного сообщества о фигуре писателя и его месте в отечественном литературном процессе 20—30-х годов XX века, о поэтике его произведений.

С учетом всего вышесказанного актуальность статьи состоит в обращении к проблеме построения и описания авторской модели мира с позиций структурно-семантической нагрузки в художественном тексте центральных миромоделирующих универсалий. Наш научный интерес связан со спецификой функционально-стилевого потенциала и способами лексической объек-

CC BY

тивации концепта МОРАЛЬ в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», что и составляет предмет исследования, новизна которого состоит в выявлении структурно-семантической роли концепта МОРАЛЬ в системе миромоделирующих универсалий романа Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», что вносит вклад в изучение авторской модели мира.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Роман Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», в основе которого лежит «строительство “монолита”, способного воды Москвы-реки и Оки направить в пустыни и засушливые районы» [Ауэр, 2009, с. 24], был создан писателем в 1929 году и «впервые вышел в издательстве “Недра” в 1930 году … в России больше не переиздавался вплоть до 1988 года» [Пильняк, 2003, т. 4, с. 477]. Применительно к этому грандиозному строительству, являющемуся отражением масштабных перемен, произошедших в стране, не только отразивших внешние преобразования, но и затронувших внутреннюю сущность людей, просветивших их на моральную состоятельность, раскрываются судьбы главных героев романа, относящегося, по мнению критиков, к жанру производственного [Гаганова, 2015, с. 17], который переживает трансформацию в творчестве писателя. Сюжетно произведение «определяется в большей степени “историей” социалистического строительства» [Посухова и др., 2016], демонстрирующего, как «*Россия шла в социализм, чтобы неминуемо дойти*» [Пильняк 2003, т. 4, с. 435]. Мы сосредоточимся на концептуализации морали в построении авторской модели мира: «*… вся страна превращена в моральный плакат, плакаты морали вышли на улицы, потому что их не осталось в так называемых душах*» [Пильняк 2003, т. 4, с. 441].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Концепт МОРАЛЬ как миромоделирующая универсалия: семантико-стилистический потенциал, приемы объективации, функциональная нагрузка

Итак, в качестве одного из проблемных в романе актуализируется вопрос о морали в стране, которая «*шла солдатским шагом военного похода в социализм, чтобы победить… ползли сырости и плесени недовольства, неверия, усталости, предательства …*» [Пильняк, 1990, с. 405]. Заново строится не только социалистическая Россия, но и «*человек, человечество строит монолиты понятий..., строя новые человеческие отношения*» [Пильняк, 2003, т. 4, с. 463].

Достоянием государства является не только высокое развитие экономики, уровень жизни людей, но «*и мораль каждого из нас… именно мо-*

CC BY

раль, моральные качества» [Там же, с. 440]. Так на страницах романа актуализируется мотив морали, структурирующий одну из вертикальных опор авторской модели мира. Опираясь на словарную семантику этого понятия, писатель тонко и иронично рассуждает о «*доброкачественной и второсортной*» [Там же] морали, о специфике жизни «*коллективной моралью*» [Там же], пришедшей на смену родовой, о причинах и следствиях того, что «*моральные запасы иссякают до нуля*» [Там же].

Общество строит «*новую мораль*», основанную «*на новых человеческих отношениях*», поэтому оказываются возможными отклонения в виде «*чести Эдгара Ивановича — чести труса и вора, который канонизирует воровство*» [Там же, с. 401], «*убитой человеческой чести Марии*» [Там же, с. 425], ставшей «*символом женской судьбы*» [Там же], или появление людей, подобных Евгению Евгеньевичу Полтораку и Надежде Антоновне Саранцевой.

Понимание моральных ценностей подменяется и искажается, поэтому на социалистическом строительстве имеют место вопиющие факты нарушения женской чести и достоинства: артельные жены, изнасилования и др. А «*погибший человек, пропойца и охломон, но истинный коммунист*» [Пильняк, 1990, с. 596] Иван Ожогов, как ни парадоксально это звучит, морален, что подчеркнуто использованием в его словесном портрете и речемыслительном дискурсе лексем *честь* и *совесть*: «*Судьба Ивана была судьбою возникновения социализма, чести, … утвержденной на знании, навсегда враждующем с ложью, с предательством, с провокацией, с мракобесием, с невежеством*» [Там же, с. 494]. Выстраиваемая в цитируемом текстовом фрагменте семантическая оппозиция «честь (далее в тексте контекстуальными синонимами этой лексемы станут *достоинство* и *правда*) — ложь, предательство, провокация, мракобесие, невежество» наглядно демонстрирует явный перевес в обществе явлений, подменяющих действие нравственного закона, что объективируется однородным рядом лексем с отрицательной коннотацией. И этому есть объяснение: «*мораль можно растеривать, как сапоги и хлеб. Революция её и растратила*» [Пильняк, 2003, т. 4, с. 440].

По сути, эта антитеза становится ключевой в романе, просвечивая на духовно-нравственную состоятельность героев и их поступки, бескомпромиссно разделяя их по разные стороны добра и зла, чести и бесчестия. Так, основу жизненной позиции «*человека прямых идей и прямых действий*» [Там же, с. 261] профессора Пимена Сергеевича Полетики составляет бинарная оппозиция «благородно — неблагородно». Примечательно, что даже отрицательные персонажи, такие как, например, инженер Полторак, нарушая нравственные законы, в душе понимают, что поступают аморально.

CC BY

Концепт МОРАЛЬ в романе связан и должен рассматриваться в ряду таких миромоделирующих универсалий, как образ автора, система персонажей, мотивная парадигма.

В понятийное поле концепта входят такие лексемы, как, собственно, *мораль* — ‘правила нравственности, а также сама нравственность’ [Ожегов, 1986, с. 310]; *совесть* — ‘чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом’ [Там же, с. 644]; *долг* — ‘то же, что обязанность’ [Там же, с. 148]; *честь* — ‘достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности’ [Там же, с. 766], *уважение* — ‘почтительное отношение, основанное на признании чьих-н. достоинств’ [Там же, с. 713] и их дериваты. Они составляют ядро концепта, тогда как на разном расстоянии от него, оформляя периферию, находятся лексемы *справедливость, благородство, чистота* и др.

К этому полю примыкают лексемы *любовь* и *счастье*, которые персонажи Б. Пильняка осмысливают и трактуют в тесной, органичной связи с нравственной сущностью человека. Эти понятия взаимосвязаны в авторской характеристике и в понимании смысла жизни положительных героев (Пимена Сергеевича Полетики, его дочери Любови Пименовны, инженера Садыкова). Для них это не простые слова, а важные критерии, регулирующие поведение и в целом образ жизни. Поэтому вполне закономерно в персонажной и неперсонажной субъектных речевых сферах этих героев и представлены данные лексемы. Им автор словно бы доверяет говорить о любви, чести и совести, достоинстве и благородстве, долге.

Бинарную оппозицию с ними образует понятийное поле «аморально», объективируемое лексемами *мерзость (мерзавец), зло, несчастье, злодеяние, позор,* которые, в свою очередь, употребляются в характеристике отрицательных героев (инженера Полторака, Якова Карповича Скудрина). Автор отказывает им в праве жить, приводя в финале произведения к смерти. Конечно, это логичный финал жизни врагов социалистического строя. Коммунистическая справедливость торжествует. Но не все так просто у Б. Пильняка. Этим персонажам нет места в жизни и потому, что они грубо попрали основной нравственный закон, сформулированный в тексте в качестве жизненного правила профессора Полетики: «*Одно непреложно навсегда — человек должен быть честен, правдив и чист, “добродетелей сосед”, — иначе — гибель*» [Пильняк, 1990, с. 404].

В этой семантической плоскости формируются оценочные суждения: то, что морально и нравственно, оно правдиво, честно и справедливо. Соответственно, то, что безнравственно, — бесчестно, несправедливо, позорно.

Прокомментируем подробнее, опираясь на текстовые фрагменты, объективирующие «голос» автора, рецепцию морального облика современ-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ного Б. Пильняку общества и способы выражения авторской позиции. Принимая во внимание, что Б. Пильняк в своё время был одним из известнейших писателей, активно печатаемых (а значит, в подтексте, как мы понимаем, одобряемых Советской властью), задумаемся, как же ему удавалось выражать своё довольно неоднозначное мнение по отношению к современности?

Авторская оценка морально-нравственного состояния современного общества не транслируется прямо, она объективируется с помощью разнообразных приемов: аналогии, иносказания, совмещения пространственно-временных плоскостей, повторов и т. д. Приведем несколько примеров:

— превращенная в аукцион церковь Святого Пимена, в которой 25 лет тому назад молодой Пимен Сергеевич венчался, сейчас выглядит следующим образом: *Иконы исчезли со стен, замазанных наскоро известкой, алтарь уничтожился… Стены лепились объявлениями и плакатами — «В борьбе за мир крепите оборону Советского Союза!» — плиты пола заросли ошметками грязи…* [Пильняк, 1990, с. 396]. По аналогии можно предположить, что подобная неустроенность и разгром царят и в душах людей;

— снимаемые с колоколен и воющие над Коломной колокола … *ныли над городом колокола, тащимые со звонниц*» [Там же, с. 424]: уже семантика глагольной лексики (*выть, ныть*) передает соответствующую атмосферу жизни;

— пьющий со статуей Христа водку музеевед Грибоедов: *... музеевед пил водку в одиночестве с деревянной статуей сидящего Христа ... поднося чарку к деревянным Христовым губам… Христос был безразличен. Деревянный Христос, в терновом венце, с каплями крови на груди, казался живым человеком* [Там же, с. 423].

Все это — приметы советского времени, символизирующие духовную пустоту (яркая деталь портретной характеристики персонажей — глаза, характеризующиеся многозначным сравнением: *Глаза гостей пустели, как у мертвецов* [Там же, с. 425]), утрату веры и, как следствие, распущенность и вседозволенность (Надежда Антоновна), «болезнь женщинами» Полторака, возможность изменить жене (Ласло). Положительные герои этого не приемлют. У них твердая система жизненных ценностей, ключевое место в которой занимает честь.

Общество, потерявшее мораль как внутренне качество, пытается заменить её внешними проявлениями: моральными плакатами, иронично-саркастичное отношение автора к которым ясно без комментариев: «*Не пейте!»… «Курить и плевать воспрещается»… Это были моральные плакаты, которыми … выпирала на улицы мораль* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 435].

CC BY

Основная причина подобного состояния общества, в котором удивляются, «*когда человек честен*» [Там же, с. 441], состоит, по мнению инженера Полторака, в следующем: *У нас не уважают человека… Человек, взятый с поправкой на жулика, превращен в существо, когда человек есть средство, а не цель, с поправкой на вещь, а не на честь* [Там же]. Но, подчеркнем, это лишь одна из транслируемых автором в романе позиций.

3.2. Бинарная семантическая оппозиция «морально — аморально» в рецепции системы персонажей романа

Рассмотрим, как раскрывается концепт МОРАЛЬ применительно к системе персонажей романа. Каждый герой произведения словно просвечивается автором на его моральную состоятельность. И здесь последовательно реализуется оппозиция «морально — аморально». На одном её полюсе находятся герои, которых можно назвать «порядочными людьми» (профессор Полетика, его дочь Любовь, инженер Садыков, Иван Ожогов). Для них такие важные моральные категории, как *честь, достоинство, долг, любовь*, — не просто слова, а нравственные опоры, определяющие их поведение и образ жизни. Тогда как на противоположном полюсе находятся братья Бездетовы, Яков Карпович Скудрин. В то же время в романе немало персонажей, которых нельзя однозначно расположить на одном из двух полюсов, хотя они и тяготеют к какому-то из них, как, например, инженеры Полторак и Ласло.

Особое место в ряду персонажей занимает Пимен Сергеевич Полетика, основной жизненный принцип которого: *Стоит быть благородным с неблагородным, и этот неблагородный постремится стать честным не только в делах, но и в помыслах* [Пильняк, 1990, с. 397] — реализуется в его поступках и отношениях с людьми. *Отклонение от норм благородства профессор считал патологией* [Пильняк, 1990, с. 397]. Полетика твердо идет по жизни, ни разу не отступив от своих моральных принципов, благодаря чему, в числе прочего, он пользуется заслуженным уважением у единомышленников и даже врагов.

Его антиподом в романе является инженер Евгений Евгеньевич Полторак, один из участников заговора, образ жизни которого аморален, о чем свидетельствует, в частности, его «болезнь женщинами». В словесном портрете героя находит отражение явное противоречие между внешней ухоженностью и скрывающейся за ней непорядочностью: *…такие (глаза), которых не следовало бы иметь порядочному человеку, — подумал профессор* [Пильняк, 1990, с. 400]; *Инженер Полторак всегда выглядел тщательно-чистым..., — и он всегда вызывал у профессора Полетики ощущение грязной липкости* [Там же, с. 402]. Эта двойственность (в данном случае между внешним описанием и внутренней сущностью) станет центральным приемом в изображе-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

нии персонажа на протяжении всего романа. Герой использует людей лишь с позиции удовлетворения своих потребностей (его отношения с женой Софьей Григорьевной, связь со смертельно больной сестрой жены Верой Григорьевной, связь с Надеждой Антоновной Саранцевой).

Он враг социализма, основу его убеждений составляет идея, что «*все построено на крови*» [Пильняк, 2003, т. 4, с. 335]: и строительство, и любовь, — и в то же время убежденного, что «*убийство — гадость, мерзость!..*» [Там же], который никак не может понять, как он, «*русский*», «*ученик Соловьева*», мечтавший «*о святой Софии и о кресте на ней*», хотевший «*умереть за Россию*» [Там же, с. 336], дошел до такого предательства, которое законом обратного действия разрушило, «бескровно убило» (в соответствии с его же терминологией) и его самого: *Сам из своей совести выгнался, не стерпел? — сказал иронически Иван* [Там же].

В плоскости морально-нравственной проблематики лежат размышления Полторака об убийстве (им принадлежит важное место в раскрытии системы взглядов героя и в структурировании концепта МОРАЛЬ), введенные в текст в форме диалога с Яковом Карповичем Скудриным. На вопрос Полторака: *«Принципиально — можно убить или нет?»* Яков Карпович коротко и четко отвечает: *Человека надо любить, уважать человека. Тогда убивать нельзя* [Пильняк, 1990, с. 287]. И вот опять она — все та же любовь, которая основа всему, которая стоит в одном ряду с уважением, а в подтексте — с совестью, честью и достоинством. Продолжая свою мысль, Скудрин говорит: *...нам четверым… Можно убить… Потому что мы совесть потеряли… Совесть и стыд у нас с вами уничтожены, мы все можем, украсть, предать, убить… мы сейчас … говорим не от чести, а от бесстыдства…*

— А я не хочу убивать, — тихо сказал Полторак… [Там же, с. 443]. Как окажется в финале произведения, Евгений Евгеньевич не только не захочет, но и не сможет убить, потому что, в соответствии с градацией Якова Карповича, «*у него* ***честь*** *сохранилась*» [Там же]. Более того — он «*бескровно убил*» себя «*своей жизнью*» (тогда как инженера Эдгара Ласло убила смерть Марии). И, таким образом, сам Полторак опровергает свою теорию о том, что «*убийство всегда основано на крови*».

Анализируя систему персонажей с позиций объективации концепта МОРАЛЬ, не представляется возможным обойти стороной семью Скудриных: Якова Карповича, Ивана Карповича и их сестер Римму Карповну и Капитолину Карповну.

Яков Карпович — злейший враг социализма, забравшего у него сыновей, создавший в оппозиции советской власти *«свою линию жизни, осклизлую и узловатую»* [Там же, с. 429]. Неприятно, даже внешне отталкиваю-

CC BY

ще выглядят все его портретные описания: *... старик пухнул, отекший, зеленый и счастливый, как сукровица* [Там же, с. 444] — и его поведение (*хрюкал, юродствуя, страшный и отвратительный*). Даже положительные эмоции не делают выражение его лица приятнее: у него «*по лицу прошла злая доброта*» [Там же, с. 430], а счастье лишь «*морщит лицо*» [Там же]. Он живет одной надеждой — отплатить за то, что потерял с приходом социализма. Однако герой скорее вызывает жалость и брезгливость, чем страх и опасение. Глядя на него, невозможно всерьёз поверить, что затеянная им и его соратниками (Полтораком, братьями Бездетовыми) диверсия представляет серьёзную опасность для строительства монолита. Этот моральный изгой обречен на смерть. И последней каплей, разрушающей жизнь Якова Скудрина, становится известие о том, что его дочь Катерина, которую он «*хранил целомудрием семнадцатого века*» [Там же, с. 433], оказывается беременной от одного из братьев Бездетовых, а значит, старику не удалось «*перехитрить жизнь*», продолжительная игра с которой сложилась не в его пользу. Монологи Якова Карповича о современной жизни прямо или опосредованно касаются нравственной проблематики. Одним из ключевых среди них является монолог о юродивых, которых он делит на две группы: сумасшедшие (к ним относит и своего брата Ивана, из породы убиваемых) и жулики (из породы убивающих): *Россия жуликов* ***любит****... Что, по-вашему, движет миром…? Титул? Звание?* ***Любовь****? — Память!* [Там же, с. 442—443]. Именно память не дает ему забыть все потери, связанные с приходом Советской власти, заставляя вести свою скрытую борьбу с ней.

Противоположен Якову Карповичу его брат Иван Ожогов — первый председатель Коломенского исполкома, а ныне юродивый новой Советской России. Уже семантика выбранного писателем имени *Иван* — «милость Божия» — раскрывает авторское отношение к этому персонажу, которого Б. Пильняк определяет так: *... нищий, побироша*, *юродивый, лазарь, — юродивый Советской Руси, справедливости ради, мирская коломенская совесть, молец за коммунизм* [Там же, с. 574]. Основу мировоззрения Ожогова составляет триединство, выступающее нравственным мерилом его жизни: *Революцию он понимал и навсегда понял ... переустройством — чести человека, правом на любовь и на жизнь — переустройством человеческих отношений и человека* [Там же, с. 495]. И пусть он оказывается изгоем в современном обществе, живущим на заброшенном кирпичном заводе с такими же, подобными себе, ставшим «жертвой времени и революции» [Профатило, 2006, с. 13], продолжающим мечтать о всемирном братстве, победе чести и совести, именно ему автор доверяет пламенные речи о человеческом достоинстве, а его речемыслительный дискурс характеризуют

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(4), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

лексемы *честь, достоинство, совесть, справедливость* и под., входящие в концептуальное поле «Мораль». Образ охломона неоднозначен, двойствен, как, впрочем, и большинства других персонажей романа, достаточно взять хотя бы одну фразу из его словесного портрета и проанализировать семантику лексем, употребленных в составе одного ряда однородных номинаций: *погибший человек, пропойца и охломон, но истинный коммунист* [Пильняк, 1990, с. 596]. Иван Ожогов и его единомышленники из коммуны «обнаруживают духовную близость к строителям нового … мира и к представителям государственной власти» [Скобелев, 1995, с. 176]. Безусловно, этот герой нежизнеспособен, и в финале романа он погибнет под водами разлившейся реки вместе со своим верным другом псом Арапкой, но его убеждение в том, что … *для коммунизма истинного первым делом должны быть — доверие, напряженное внимание, уважение к человеку и — люди* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 445], останется твердым.

В описании жизни сестер Скудриных лексемам, входящим в понятийное поле морали, также принадлежит большое место. Применительно к ним художественная оппозиция «морально — аморально» объективируется в антитезе «честь — позор». Капитолина Карповна являет собой пример «*всеколоменской морали*», её жизнь «*прошла полна достоинств мещанской морали вся на ладони всегородских глаз и всегородских моралей*» [Пильняк, 1990, с. 417], — такую, на первый взгляд, высокую оценку дает ей автор. Однако настойчивый словообразовательный повтор морфемы *все* в составе окказиональных прилагательных, используемой для «обозначения целостности понятия, которое охватывает полный ряд предметов, явлений или признаков; распространяется на всех, на все» [Ожегов, 1986, с. 90] (омонимичной, что немаловажно, определительному местоимению), на который трудно не обратить внимание, явно не случаен и актуализирует важную для автора мысль. И рядом, в одном и том же фрагменте, отмечается, что «*всегородская мораль*» Капитолины Карповны «*благословлена всегородской сволочью*» [Пильняк, 1990, с. 417]: *Она осталась примером всегородской чести, проквасившая свою жизнь целомудрием пола, бога, коломенской морали* [Там же]. Обратим внимание на контекстуальное употребление лексемы *всегородской*: *всегородские глаза, всегородская сволочь, всегородская честь*, наконец, *всегородская мораль.* Что это, если не явная ирония автора, скрытая в настойчивом повторении одного и того же определения? (Вообще пильняковской прозе свойственны разные виды повторов, в том числе устойчивых сочетаний, используемых автором с композиционной целью и являющихся ярким художественным образом [Лю Гопин, 2013, с. 34]). Как же так: примерная, образцовая жизнь в трактовке писателя оценивается как «*проквашенная целомудрием... морали*»?

CC BY

Автор показывает, как неоднозначны могут быть поступки, которые на первый взгляд выглядят простыми, понятными и заслуживающими очевидной оценки с точки зрения нравственности. Здесь перевернуто представление о том, что морально и что «не морально», потому что позор оказывается морален счастьем жизни Риммы Карповны, и наоборот, мораль и честь Капитолины *проквашены* и никому, кроме неё самой, не нужны. У нее нет ни мужа, ни детей, потому что «*ничто — только ничем и может быть*» [Пильняк, 1990, с. 418]. А живет она ради племянниц, дочерей ее сестры, ставшей *всеколоменским позором* (эта лексема настойчиво повторяется писателем в словесном портрете Риммы Карповны, которая «*позорно полюбила*» женатого человека (о ее *позоре* стало всем известно), прошла через «*годы этой любовной связи — позора*» и, наконец, родила дочерей — «*позорных свидетельств этой связи*» [Там же]): *Время просеяло: биологическая честь Риммы оказалась сильнее всеколоменской чести Капитолины, позор превратился в счастье, ... честь же Риммы создавалась подобно речным перекатам и плесам, подпертым монолитом любви* [Там же]. Значит, любовь, настоящая, искренняя, всепоглощающая, даже к такой «дряни», которым оказался возлюбленный Риммы Карповны, принесшая счастье материнства и воспитания дочерей, — это морально. Интересна и семантически неоднозначна евангельская параллель в характеристике Риммы Карповны: *У Риммы в паспорте значилось: «имеет двоих детей», «девица», — как было бы записано в России до революции и у Марии, матери Христа* [Там же].

3.3. Любовь как высшая моральная ценность в мотивно-образной парадигме романа

Также не осуждается автором и уход жены от профессора Полетики к инженеру Ласло. Это был честный поступок Ольги Александровны, не захотевшей обманывать и унижать мужа изменой (да для неё в силу душевной цельности и порядочности это было и невозможно) во имя любви (любви-жертвы, любви-подвига, на которую готова и её дочь Любовь Полетика), потому что *если ушла любовь, значит, пришла ложь, — а ложь есть мерзость* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 314]. Это нравственное мерило любви просвечивает на способность к этому чувству всех героев.

Любовь выступает высшей ценностью среди моральных понятий романа, и наиболее полно её содержание раскрывается применительно к образу дочери профессора Полетики, имя которой — *Любовь* — далеко не случайно омонимично нравственному понятию. Именно представление о любви этой героини, на наш взгляд, транслирует авторское понимание данного чувства: ...*она считала любовь чистотою, неделимым, подвигом* [Там же]. Это то понимание, которое разделяет и её отец (*любовь у профес-*

сора Полетики была на всю жизнь единственной [Там же, с. 243]), и инженер Федор Иванович Садыков, и её мать, и другие положительные герои.

И все же насколько по-разному понимается это чувство персонажами романа! «Больной женщинами», Полторак (который *не умел любить и не знал той любви, которая веками, определяла слово любовь, и он любил не женщин, а самого себя в женщинах* [Там же, с. 315]) убежден, что есть только *плотская любовь* [Там же, с. 305]. Способность его к любви раскрывается через чувства героя к жене Софье Григорьевне, её сестре Вере Григорьевне, любовнице Надежде Антоновне, наконец, Любови Пименовне: *Вера, Надежда, Любовь, — жену Полторака звали Софьей, — Полторак бредил породой юродивых, которых убивают. Вера, Надежда, Любовь, Мудрость — бред, ничего нет. Все на крови* [Там же, с. 340].

Семантика имен окружающих Полторака женщин не может не рассматриваться в плоскости истории о христианских мученицах Софии и её дочерях Вере, Надежде и Любови, названных так в честь трех основных христианских добродетелей, в судьбах которых возникают параллели с героинями Б. Пильняка. Полторак обманул свою жену Софию и предал ее сестру Веру, Надежда сама изменила ему, а Любовь ушла от него «оскорбительно чистой».

Для артистки Надежды Антоновны, которая, по ее собственным словам, «*может быть и трибуном, и проституткой, … и такой, которой все позволено*» [Там же, с. 311], которая «*никого не любит и не любила, кроме себя*» [Там же, с. 310], «*это глупое слово любовь умерло*» [Там же]. В её речи часто появляется лексема *мораль*, причем традиционное понимание ее подменяется: *… я плохо знаю, что такое мораль, или у меня она своя… у меня будет сын, и я не буду знать, кто его отец, — их было несколько… И это неважно, кто отец. Это моя мораль … Почему любить так — неморально?* [Там же, с. 330, 337].

Федор Иванович Садыков, который «*строит новую общественность и новую мораль*» [Там же, с. 385], в соответствии с его пониманием любви, считая друга Эдгара Ласло и свою жену Марию «*честными людьми*» [Там же, с. 387], сам предлагает им «*жениться и быть вместе: раз вы любите, без ненужной лжи*» [Там же, с. 385]. А по-другому он не представляет себе любви, поступая как «*честный коммунист*» [Там же, с. 387].

В свою очередь, инженер Ласло любит жену Ольгу Александровну, но позволяет себе измены, в том числе с «*чужой, незнакомой женщиной*» [Там же, с. 388] Марией Садыковой, которая, когда муж отпустил ее, оказалась Ласло не нужна. Однако он принял «*перчатку чести, которую нельзя было не принять, честь осталась за Садыковым*» [Там же, с. 392]. Но женитьба только приблизила трагедию — самоубийство Марии.

CC BY

Так мы видим, как бинарная оппозиция «морально — аморально» пронизывает все романное повествование, разделяя персонажей и их поступки на два полюса.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, один из универсальных лингвокультурологических концептов — МОРАЛЬ — занимает важное место в любой национальной картине мира. Человеку свойственно активное познание окружающей действительности, что формирует его систему взглядов на мир и становится основой совершаемых действий, объективируясь в речемыслительном дискурсе. Важное место в нем принадлежит наряду со знаниевым компонентом нормативно-оценочной составляющей.

Проведенный анализ романа «Волга впадает в Каспийское море» продемонстрировал, что концепт МОРАЛЬ как в общественном национальном сознании, так и в авторской интерпретации Б. Пильняка тесно связан с соответствующими, моральными, принципами, предписывает соблюдение определенных норм поведения, реализуется в соблюдении известных ценностей и идеалов.

Концептуальное содержание морали раскрывается в тесной связи с мотивно-образной парадигмой романа, в частности, с лейтмотивами жизни и смерти, труда, «архетипическим мотивом волка» [Профатило, 2007, с. 137] и др. Моральная составляющая просвечивает на состоятельность и саму советскую действительность, и духовно-нравственную плоскость жизни.

Непреложность системы морально-нравственных ценностей, объективирующих концепт МОРАЛЬ, в авторской и национальной картине мира не вызывает сомнений. Наиболее последовательно эта преемственность демонстрируется на примере раскрытия образа Любови Полетики, выдержавшей искушение любовью Полторака, но «оставшейся чистою» и не изменившей своей системе ценностей. Целомудренная Любовь Пименовна, «приближающаяся к идеалу Вечной Женственности» [Мазинг-Делич, 2011, с. 119], изучающая прошлое (историю каменных баб, историю преданий), а значит, получающая его опыт, является связующим звеном поколений, выступая в настоящем носителем этого потенциала, чтобы передать его будущему.

Авторская позиция заявлена и транслируется в мыслительном дискурсе профессора Полетики: … *одно непреложно навсегда — человек должен быть честен, правдив и чист, «добродетелей сосед» (как это сказано в Минеях), — иначе — гибель* [Пильняк, 2003, т. 4, с. 250].

Бинарная семантическая оппозиция «морально — аморально» выступает одной из миромоделирующих универсалий, реализуясь в систе-

CC BY

ме частных противопоставлений: честно — бесчестно, правда — ложь, совестливый — бессовестный, верность — предательство, справедливость — обман и под.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении приемов концептуализации авторской модели мира в романе «Волга впадает в Каспийское море» и шире — в прозе Б. Пильняка в целом. Научно целесообразным является исследование миромоделирующей роли не только морально-нравственных, но и других концептов, структурирующих художественный мир пильянковской прозы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов. — Москва : Русский язык, 1986. — 797 с.

2. *Пильняк Б. А.* Волга впадает в Каспийское море / Б. А. Пильняк. — Москва : Современник, 1990. — 607 с.

3. *Пильняк Б.* Собрание сочинений : в 6 т. Повести ; Рассказы ; Волга впадает в Каспийское море : Роман / Б. Пильняк. — Москва : ТЕРРА — Книжный клуб, 2003. — Т. 4. — 480 с. — ISBN 5-275-00727-2.

Литература

1. *Абдуразакова Е. Р.* Тема Востока в творчестве Бориса Пильняка : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Р. Абдуразакова. — Владивосток, 2005. — 22 с.

2. *Агеносов В. В.* Был ли Б. Пильняк экспрессионистом? / В. В. Агеносов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2021. — № 1. — С. 138—141.

3. *Анпилова Л. Н.* Русская версия экспрессионизма : проза Бориса Пильняка 1920-х годов / Л. Н. Анпилова. — Санкт-Петербург : Нестор — История, 2019. — 244 с. — ISBN 978-5-4469-1583-5.

4. *Ауэр А. П.* Перед лицом Вечности : Статьи о художественном мире Б. Пильняка / А. П. Ауэр. — Коломна : КГПИ, 2009. — 211 с. — ISBN 978-5-98492-087-2.

5. *Бабкина Е. С.* Своеобразие формирования жанровой системы в творчестве Бориса Пильняка : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. С. Бабкина. — Владивосток, 2007. — 23 с.

6. *Гаганова А. А.* Художественный кризис производственного романа 1920 — 70 гг. : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. А. Гаганова. — Москва, 2015. — 26 с.

7. *Денисов А. Е.* Пильняковские чтения в Коломне / А. Е. Денисов. — Коломна : Серебро слов, 2019. — 106 с.

8. *Дубова М. А.* «Россия, Расея, Русь, Коломна : провинция» : концептуализация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» / М. А. Дубова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 203—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219.

9. *Дубова М. А.* В. Я. Брюсов. Проблемы миромоделирования и стилевой полифонии : от малой прозы к романной / М. А. Дубова, Н. А. Ларина. — Москва : Юрист, 2022. — 432 с.

10. *Крючков В. П.* Проза Б. А. Пильняка 1920-ых годов : мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.01 / В. П. Крючков. — Саратов, 2006. — 51 с.

11. *Лю Гопин.* Языковые традиции в построении художественного текста : Б. Пильняк — А. Рекемчук — З. Прилепин / Гопин Лю // Интерпретация текста : лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : VI Международная научная конференция, 6—7 декабря 2013 г. — Чита : ЗабГУ, 2013. — С. 34—35.

12. *Мазинг-Делич И.* «Волга впадает в Каспийское море» Бориса Пильняка как отражение «софиологии» Льва Троцкого / И. Мазинг-Делич // Б. А. Пильняк : исследования и материалы : сборник научных трудов. — Коломна : Мос. гос. обл. соц.-гум. ун-т, 2011. — Выпуск VI. — С. 113—123. — ISBN 978-5-98492-095-7.

13. *Посухова О. Ю.* Производственный роман как средство формирования профессиональной идентичности в советском обществе / О. Ю. Посухова, А. С. Фролова // Гуманитарий юга России. — 2016. — Т. 22. — № 6. — С. 92—109.

14. *Профатило И. И.* Художественный мир прозы Б. А. Пильняка : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. И. Профатило. — Москва, 2006. — 18 с.

15. *Профатило И. И.* Архетипический мотив волка в романе Б. А. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» / И. И. Профатило // Б. А. Пильняк : исследования и материалы : сборник научных трудов. — Коломна : Коломенский гос. пед. ин-т, 2007. — Выпуск V. — С. 137 — 143.

16. *Святославски1 А. В.* М. М. Пришвин и Б. А. Пильняк : к истории творческих взаимоотношений / А. В. Святославский // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 6—1. — С. 118—127. — DOI: https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.118.

17. *Скобелев В. П.* Андрей Платонов и Борис Пильняк (романы «Чевенгур» и «Волга впадает в Каспийское море») / В. П. Скобелев // Борис Пильняк : Опыт сегодняшнего прочтения. ИМЛИ им. М. Горького РАН. — Москва : Наследие, 1995. — 208 с.

18. *Суровцева Е. В.* Б. А. Пильняк и его эпистолярные обращения во власть / Е. В. Суровцева // Филология и лингвистика. — 2018. — № 1 (7). — С. 1—5.

19. *Шайтанов И. О.* Когда ломается течение (исторические метафоры Бориса Пильняка) / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. — 1990. — № 7. — С. 35—72.

20. *Яранцев В. Н.* Всеволод Иванов и Борис Пильняк : опыт творческого сосуществования (аспект «соборности» / В. Н. Яранцев // Сибирский филологический журнал — 2015. — № 3. — С. 48—51.

21. *Camisa M. E.* Andrei Platonov and Boris Pil'niak : the pursuit of the happy man / M. E. Camisa // Philological Class. — 2021. — Т. 26. — № 1. — С. 107—117. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025,
одобрена после рецензирования 06.05.2025,
подготовлена к публикации 21.05.2025.

Material resources

Ozhegov, S. I. (1986). *Dictionary of the Russian language.* Moscow: Russian Language. 797 p. (In Russ.).

Pilnyak, B. A. (1990). *The Volga flows into the Caspian Sea.* Moscow: Sovremennik Publ. 607 p. (In Russ.).

Pilnyak, B. (2003). *Collected works: in 6 volumes, 4.* Moscow: TERRA Book Club. 480 p. ISBN 5-275-00727-2. (In Russ.).

References

Abdurazakova, E. R. (2005). *The theme of the East in the work of Boris Pilnyak.* Author's abstract of PhD Diss. Vladivostok. 22 p. (In Russ.).

Agenosov, V. V. (2021). Was B. Pilnyak an expressionist? *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school, 1:* 138—141. (In Russ.).

Anpilova, L. N. (2019). *The Russian version of expressionism: Boris Pilnyak's prose of the 1920s.* St. Petersburg: Nestor — Istoriya. 244 p. ISBN 978-5-4469-1583-5. (In Russ.).

Auer, A. P. (2009). *In the face of Eternity: Articles about the artistic world of B. Pilnyak.* Kolomna: KGPI. 211 p. ISBN 978-5-98492-087-2. (In Russ.).

Babkina, E. S. (2007). *The peculiarity of the formation of the genre system in the work of Boris Pilnyak.* Author's abstract of PhD Diss. Vladivostok. 23 p. (In Russ.).

Camisa, M. E. (2021). Andrei Platonov and Boris Pil'niak: the pursuit of the happy man. *Philological Class, 26 (1):* 107—117. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.

Denisov, A. E. (2019). *Pilnyakov readings in Kolomna.* Kolomna: Silver of Words. 106 p. (In Russ.).

Dubova, M. A. (2023). "Russia, Rossia, Rus, Kolomna: Province": Conceptualization of Space in B. Pylnyak's Novel "Volga Flows into Caspian Sea". *Nauchnyi dialog, 12 (2):* 203—219. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219. (In Russ.).

Dubova, M. A., Larina, N. A. (2022). *V. Y. Bryusov. Problems of world modeling and stylistic polyphony: from small prose to novel.* Moscow: Lawyer Publishing Group. 432 p. (In Russ.).

Gaganova, A. A. (2015). *The artistic crisis of the industrial novel of the 1920 — 70s.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).

Kryuchkov, V. P. (2006). *The prose of B. A. Pilnyak of the 1920s: motifs in functional and intertextual aspects.* Author's abstract of Doct. Diss. Saratov. 51 p. (In Russ.).

Liu Guoping. (2013). Linguistic traditions in the construction of a literary text: B. Pilnyak — A. Rekemchuk — Z. Prilepin. In: *Text interpretation: linguistic, literary and methodological aspects: VI International Scientific Conference, December 6—7, 2013.* Chita: ZabGU. 34—35. (In Russ.).

Mazing-Delich, I. (2011). "The Volga flows into the Caspian Sea" by Boris Pilnyak as a reflection of Leon Trotsky's "sophiology". In: *B. A. Pilnyak: research and materials: collection of scientific papers, VI.* Kolomna: Moscow State Region. social-gum. Univ. 113—123. ISBN 978-5-98492-095-7. (In Russ.).

Posukhova, O. Y., Frolova, A. S. (2016). The industrial novel as a means of forming professional identity in Soviet society. *Humanities of the South of Russia, 22 (6):* 92—109. (In Russ.).

Profatilo, I. I. (2006). *The artistic world of B. A. Pilnyak's prose.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Profatilo, I. I. (2007). The archetypal motif of the wolf in B. A. Pilnyak's novel "The Volga flows into the Caspian Sea". In: B. *A. Pilnyak: research and materials: collection of scientific papers, V.* Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute. 137—143. (In Russ.).

Shaitanov, I. O. (1990). When the current breaks (historical metaphors by Boris Pilnyak). *Questions of literature, 7:* 35—72. (In Russ.).

Skobelev, V. P. (1995). Andrey Platonov and Boris Pilnyak (novels "Chevengur" and "Volga flows into the Caspian Sea"). In: *Boris Pilnyak: The experience of today's reading. Gorky Institute of Physics and Technology of the Russian Academy of Sciences.* Moscow: Heritage. 208 p. (In Russ.).

Surovtseva, E. V. (2018). B. A. Pilnyak and his epistolary appeals to power. *Philology and Linguistics, 1 (7):* 1—5. (In Russ.).

Svyatoslavski1, A. V. (2020). M. M. Prishvin and B. A. Pilnyak: towards the history of creative relationships. *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school, 6—1:* 118—127. DOI: https://doi.org/10.20339/PhS.6-20.118. (In Russ.).

Yarantsev, V. N. (2015). Vsevolod Ivanov and Boris Pilnyak: the experience of creative co-existence (the aspect of "conciliarity". *Siberian Philological Journal, 3:* 48—51. (In Russ.).

The article was submitted 27.01.2025;
approved after reviewing 06.05.2025;
accepted for publication 21.05.2025.